

Газета Государства Российского

Александр ПРОХАНОВ

ЦВЕТОК ПОБЕДЫ

Российская империя — это баланс двух глубинных исторических сил: русского централизма, расцвет которого знаменует величие империи, написание великих поэм и симфоний, совершение великих побед. И сил распада, сокрушающих централизм, гниющих вертикаль империи, превращающих великое государство в обломки, плодящих междоусобицы, смутные времена и кровавые гражданские распри.

Мудрые правители во все века поддерживали этот баланс, продлевая существование империи. А когда силы распада выходили из-под контроля, кончалось великое княжение Киевской Руси, и удельные земли ложились под копыта татарской конницы. Рушился централизм империи Ивана Васильевича Грозного, и Московское царство погрузилось в ужасающую смуту с гибелью страны и народа. Энергия распада источила, расплавила железный ствол романовской империи, и она рухнула, как трухлявое дерево. Великих усилий стоило Сталину подавить распад, загнать демонов разрушения в ту преисподнюю, откуда они вышли, и воздвигнуть небывалую в мире Красную империю. Советская власть — это умный, осторожный баланс двух имперосодержащих сил: жёсткого централизма и умеренного, не доходящего до точки кипения либерализма.

Этот баланс был разрушен в перестройку. Централизм был истреблён, патриотически мыслящая интеллигенция, государственники в управлении экономикой были жестоко подавлены, диффамированы, "русский фашизм" стал определением всего того, что звалось государственным и патриотическим. Либеральным стало называться всё то, что не признавало примат государства — будь то могущественные олигархические корпорации или неумные, проповедующие свободу в политике и сексуальных отношениях либеральные интеллигенты.

Ельцинское десятилетие было временем искоренения всего, что связано с русским, глубинным. Это искоренение было продолжением расказачивания, гонений на церковь, изгнания из России русской интеллигенции.

Либеральная городская проза Юрия Трифонова и деревенская, русская исконная проза Валентина Распутина были двумя направлениями, в которых развивалось советское историческое сознание. В перестройку русский вектор был сокрушён, и либеральная стихия заполнила весь объём российской постсоветской жизни. Университеты, театры, администрация президента, научная среда, педагогика, газеты и телевидение, дипломатия — всё оказалось в руках либералов, которые воспроизводили сами себя, удущая все поползновения русского традиционализма. Русское, патриотическое было вынесено на периферию общественной жизни, и слово "русский" стало если не синонимом фашизма, то синонимом проигравшего, лузера.

С приходом Путина медленно, почти незримо, централистское патриотическое сознание стало вновь появляться на русских горизонтах. И вновь русское имперское возрождение стало выдвигать либералов из многих сфер российской жизни.

Путинское правление ознаменовалось явной и скрытой борьбой этих двух начал, схваткой имён, репутаций, интересов, энергий, культурных и философских школ. Возвращение Крыма явилось триумфом русского патриотизма и огромным политическим и духовным поражением либералов. Специальная военная операция на Украине стала гигантским толчком, сбившим с насеста огромную стаю либеральных художников, политиков, бизнесменов, деятелей науки, торговли. Всё это мощное, наполненное энергией толпище поднялось и в одночасье перенеслось в иные пределы, оставив после себя колоссальную пустоту, которая дымилась, как воронка после разорвавшегося снаряда. Теперь эту пустоту предстоит заполнить патриотам, которых десятилетиями держали в потёмках, и кои на миг ослепли от яркого солнечного света, льющегося в Россию с Донбасса. Патриотов долгие годы держали вдали от университетов, политических институтов, литературных и художественных

Рис. Геннадия ЖИВОТОВА

премий, и сегодня — явный дефицит пламенных художников, речистых ораторов, умелых управленцев, отважных философов.

Эта нехватка будет восполнена. Её восполнение уже происходит. Но этому сопутствует скрытая, невидимая схватка, происходящая в недрах сегодняшнего российского общества, где сохранилось множество корней и грибов, оставленных либералами. Ботва улетела — клубни остались. Эти клубни дают подземные ростки, и они появляются на поверхности земли. Схватка продолжается. Она ощутима в решениях, касающихся обороны, культуры, экономической политики. И неявно присутствует в толщах сегодняшней российской действительности. От этих глубинных схваток шевелится почва — так, будто ползёт невидимый крот, выдавливая на поверхность изрытую, рыхлую землю. Это движется "крот русской истории". Нам не угадать тайные направления его подземных лабиринтов. Но над нами в русской лазури несётся Русская Мечта. Её полёт угадан всеми великими русскими прозорливцами, молитвенниками, полководцами и вождями. Это Русская Мечта о светлосной, бессмертной, восхитительной России, которой неведома тьма, а одна бессмертная благодать.

Русская Мечта — это Русская Победа.

Весенняя, намокшая от слёз,
Над Родиной, изрезанной фронтами,
Победа, ты летишь в венке из роз,
Обмотана кровавыми бинтами.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

90 лет
Владимиру ФЕДОСЕЕВУ

В пантеоне Русского искусства Владимир Федосеев занимает отдельное, исключительное место — само имя маэстро является собой символ высокого служения. И если верно, что "стиль — это человек", то не будет преувеличением сказать: Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и Центрального телевидения (с 1993 года — имени П.И. Чайковского) — это Владимир Федосеев. Впервые поднявшись за пульт оркестра без малого полвека назад, Владимир Федосеев стал его бессменным художественным руководителем и главным дирижёром; узнаваемый, отмеченный дивной красотой звук оркестра получил название — "Федосеевский".

Концерт Большого симфонического оркестра под управлением Владимира Федосеева — всегда открытие. Есть удивительный момент, переживание которого с какой-то иррациональной силой влечёт на посещение следующего концерта... Когда утихают взрывные овалы, и только эхо от криков "браво!" витает под потолком зала Московской консерватории, а зритель, слегка опьянённый музыкой, неспешно покидает ряды, вдруг возникает просто ошеломляющая уверенность в том, что свиредовская "Метель" за стрельчатым окном вспыхнет рихеровским цветком "Весны священной". Момент волшебства. Магия Федосеева. И как не вспомнить тогда высказывание самого Рериха, вот это: "Пусть же всегда, когда вы думаете о прекрасной гармонии, о возвышающей музыке, пусть же всегда забьётся сильнее сердце ваше, предчувствуя, что для вас открываются ещё одни чудесные Врата, которые укажут вам лучшую улицу вашего жизненного прохождение".

5 августа 2022 года Владимир Федосеев отметит славный юбилей, 90-летие. Охватывают чувства восторга и преклонения, глубину которых увеличивает осознание ещё и того факта, что Владимир Федосеев принадлежит к тем редким натурам, в которых гениальность сочетается с благородной душой и полным добротой сердцем, открытым для всех в своей чистой простоте.

Коллектив редакции газеты "Завтра" поздравляет Владимира Федосеева, дорогого Владимира Ивановича, и желает многого, много лет!

Беседа с политическим консультантом, преподавателем кафедры политической теории и кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО Олегом ЯНОВСКИМ.

"ЗАВТРА". Олег Сергеевич, не так давно прошли два крупных мероприятия, которые традиционно связывают с международными наднациональными структурами соглашения — Всемирный экономический форум в Давосе и заседание Бильдербергского клуба. Говорят о них по-разному. Прозападная публика считает, что это слёты типа Санкт-Петербургского экономического форума, не более того, а люди, склонные к конспирологическому мышлению, полагают, что это съезды мирового правительства. Но, так или иначе, это, с одной стороны, полузакрытые заседания, куда не каждого приглашают даже в качестве наблюдателя, а с другой стороны, эти мероприятия афишируются, значит, они хот быть услышанными, и это уже в определённом смысле коммуникация.

Олег ЯНОВСКИЙ. Во многом верно и то, и другое. Это слёт статусных единомышленников. Вообще, статус — одна из главных вещей, которая сопутствует всем этим мероприятиям. Что его предопределяет? Статусные структуры: если преподаватель, то из Гарварда или Йеля; если аналитик, то из института Брукинса или Чатем-Хауса; если представитель правительства, то премьер-министр или министр финансов; ежели представитель военных, то глава или замглавы НАТО... Что касается мнения, что это съезд некой глобальной конспирогруппы, то даже если это так, то здесь нет никакой конспирологии, поскольку многое фиксируется на видео и документируется в аналитических отчётах.

Понятно, что людей "с улицы" туда не приглашают. Там происходит процесс координации мировой экономики дня и, разумеется, есть моменты, не предназначенные для публичных глаз и ушей. Но так происходит везде, на любой конференции, где помимо публичных докладов люди общаются неформально. Важной, отличительной чертой Давоса является то, что многие вещи там проговаривают последовательно и внятно.

"ЗАВТРА". Именно так. Печально известный Клаус Шваб всегда открыто заявляет о декларируемых целях и методах.

Олег ЯНОВСКИЙ. И после этого дюжины профессионалов из конкретных областей собираются в рабочие группы и отработывают заявленные перспективы. Затем публикуются "лучшие практики", в которых изложено, как, используя некоторую согласованность понимания ситуации в разных сферах, добиться, с точки зрения Давоса, лучшего результата максимально быстро.

Для нас проблема не в том, что они собираются, а в том, что представляет собой этот результат, и что вследствие этого происходит с нами. Мы говорим сейчас об относительно "видимых" организациях, не касающихся "Богемской рожи", "Сафари-клуба", Le Cercle и других закрытых клубов.

"ЗАВТРА". Главная проблема для нас в том, что многие вещи, которые проговариваются в Давосе, сбываются.

Олег ЯНОВСКИЙ. Как я уже говорил, они действуют последовательно. Всемирный экономический форум в Давосе существует с начала 1970-х годов. Ему предшествовал "Римский клуб", бывший одним из соучредителей данного форума. И они продолжают в новой упаковке продвигать повестку, которую можно назвать эквитизмом, инклизмом, экологизмом. Предлагают некоторый передел того, что мы привыкли обозначать словосочетанием "современный мир".

ХИМЕРА

Безмянный субъект
мировой политики

В этом, на самом деле, нет ничего нового. В 1648 году, при заключении Вестфальского мира после Тридцатилетней войны, тоже собирались главы государств и княжеств, они также, только на аристократической горизонтальной основе, договаривались о том, как жить дальше, если нет объективных возможностей поддерживать сопротивление новой системе. Сейчас аналогичная ситуация, только не на уровне аристократии XVII века, а на уровне глобальной технократической олигархии. Её главный ресурс — финансовый капитал, а также контроль над идеями с помощью контроля над институтами создания этих идей и их продвижения: престижными университетами, аналитическими центрами, некоммерческими организациями, экспертными группами и консалтинговыми фирмами. Тут нельзя не учитывать и контроль над человеческим опытом, то есть эксплуатацию человеческого опыта, поведения как нового капитала, о чём неоднократно упоминалось современными интеллектуалами в контексте концепции "надзорного капитализма" Шошаны Зубофф.

"ЗАВТРА". А как эти интеллектуальные центры контроля обосновывают необходимость переделывания мира?

Олег ЯНОВСКИЙ. Краткая предыстория такова. С 1972 года, с выходом "римского" доклада Денниса и Донnelly Медоуз "Пределы роста", появились обоснованная, навязчивая идея о нехватке ресурсов, которой моментально "заболели" западные элиты. Речь шла о том, что нужно поддерживать только один "миллиард" (как сказал Деннис Медоуз, "если у нас будет шесть миллиардов, то это будет очень плохой тоталитаризм"). Поэтому надо население Земли сократить до миллиарда, и тогда якобы ресурсы будут распределены равномерно, нефти на всех хватит, будем жить в "зелёном мире" и тому подобное...

Но под всеми этими фразами кроется политико-экономическое обоснование — обеспечить экспансию капитала. Известно, что капитализм, который может жить только за счёт экспансии, ограничивало несколько вещей, но главное препятствие — государство. Подняв под себя государство, капитал распространился повсюду. С этого момента у него закончилось место для экспансии.

Вот здесь и начинается массованное вторжение капитала в ментальную сферу, конструирование своего рода метавселенной. Мировые элиты ищут пути, как получить деньги и контролировать людские массы, чтобы эти массы не восстали против элит. Массы всегда против элит, это нормально. Элита — это маленькое количество организованных людей, а массы — большое количество неорганизованных людей. Если они организованы, у элиты будут проблемы. И все эти "Давосы" и "Бильдерберги" — лишь площадки по координации реализации определённой повестки и сверки курсов, своеобразная калибровка действий. Что там главное? Экология, криптовалюты, геополитические конфликты, логистические цепочки, последствия пандемии, кибербезопасность, инфляция.

А ещё все мы помним заявления Альберта Бурлы, главы "Пфайзера", про "таблетку с чипом внутри". Везде нас пугают темами репрессивного контроля, техно-тоталитаризма, хотя это уже лет пятнадцать идёт, просто сейчас эти идеи оформляются, корректируются обиходи.

"ЗАВТРА". А сама перспектива рисуется ими абсолютно открыто.

Олег ЯНОВСКИЙ. Да. И мы видим, что когда участники Давоса разрезаются, повестка у них остаётся. Они начинают с горизонтальных связей, потом переходят к вертикальному внедрению. Корпоративная культура, производство, логистика, этика — всё охватывается этим настойчивым подходом, оптимальным и наиболее привлекательным для них. Возникает культ следования провозглашённой идее, хотя это даже не идея, а то, что итальянец Гастано Моска называл "политической формулой". Как я уже отмечал, элита — всегда небольшое количество хорошо организованных людей, дирижирующих управляемой массой. Но просто наличием факта власти (организации) людьми управлять нельзя. Необходимо что-то ещё, для этого обычно используются моральные или правовые предпосылки. Власть должна быть тем или иным образом сакрализована.

"ЗАВТРА". Идея как инструмент легитимации самих элит?

Олег ЯНОВСКИЙ. Да. Им нужна легитимация их самих у себя же. Они сначала придумывают, потом сами начинают в это верить, а за ними — уже и массы.

"ЗАВТРА". Однако почему именно эта конкретная идея становится доминирующей в определённый момент?

Олег ЯНОВСКИЙ. Есть теория рынка идей, которая гласит, что самые умные, престижные, амбициозные идеи завоевывают сторонников наиболее эффективно. Вот тот же Шваб, откровенный аферист, но последовательно дует в одну дуду более пятидесяти лет. Он берёт самые радикальные варианты привлекательных идей. И к ним начинают тянуться. Это чистая социальная физика. Типа той, по законам которой тянутся к высоким, красивым, стройным людям представители противоположного пола.

А тут притягиваются к деньгам и статусу. Люди начинают верить в эту идею, и организации начинают её сами всячески оправдывать. В какой-то момент следование этой идее становится единственным способом достижения успеха и попадания в элитные группы. Так доминирующая идея становится инструментом контроля. Как в США, например, где, если ты не веришь в современные интерпретации новой этики, ты не просто не попадаешь в элиту, а вообще будешь "выключен", маргинализован. А если уж ты туда попал, то будешь принимать только тех, кто индоктринирован в твою веру. Это некий извращённый вариант религиозного мышления, окультиного толка. И это, наверное, единственная конспирология, которую я здесь усматриваю, на самом-то деле...

"ЗАВТРА". Окультизм здесь понимается чисто технологически? В плане схожести с соответствующими практиками?

Олег ЯНОВСКИЙ. Да. Здесь есть хочу заметить, что нам всё это довольно сложно представить, поскольку мы привыкли ко всему централизованному. Мы предполагаем, что если кто-то последовательно продвигает конкретную идею, то наверняка он управляет из какого-то центра. Мы живём в контексте, где государство централизовано, общество централизовано и вертикально. Это наш постоянный исторический контекст.

На Западе не так. Ведь что такое deep state? Это не государство, а некая глубинная власть интеллектуалов, прессы и бюрократии. Этой власти не видно, но она реально влияет на всё. Бюрократы проводят в жизнь нужное решение, а интеллектуалы их оправдывают. Журналисты, опираясь на оправдания интеллектуалов, кого-то продвигают или порицают и даже уничтожают, то есть СМИ работают как цепной пёс этой системы. У "глубинной власти" множество центров, работающих по разным векторам. Но у них у всех одна перспектива. Они идут по одному пути, не соприкасаясь друг с другом.

Окончание беседы — на стр. 4

УПРАВЛЯЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Особенности противостояния
США и КНР

Тема американо-китайских взаимоотношений в современном мире по объёму изданных публикаций стоит на первом месте в мировом рейтинге исследований по международной политике. Казалось бы, сказано всё. Но события развиваются так стремительно и часто непредсказуемо, что постоянно возникает необходимость внесения корректив в осмысление ситуации.

В конце июля 2022 года на сайте Foreign Affairs опубликована статья президента Азиатского общества в Нью-Йорке, бывшего премьер-министра и министра иностранных дел Австралии Кевина Радда "Соперники в пределах разумного? Конкуренция между США и Китаем становится всё острее, но не обязательно должна становиться более опасной".

Радд пишет, что за полтора года с момента вступления в должность президента Джо Байдена конкуренция между США и Китаем только усилилась. Вместо того, чтобы отказаться от жёсткой политики бывшего президента Дональда Трампа в отношении Пекина, Байден в значительной степени продолжил её, подчёркнув, что две державы почти наверняка движутся к затяжному периоду острого и опасного в военном отношении стратегического соперничества. Но это, по мнению Радда, не исключает того, что Пекин и Вашингтон, возможно, начнут плавить новый набор стабилизирующих механизмов, которые могли бы ограничить — хотя и не устранить — риск внезапной эскалации.

КИТАЙ: ПРОБЛЕМЫ ВО ВНЕ И В ТЫЛУ

Китай, считает Радд, измеряет своё положение по отношению к Соединённым Штатам тем, что китайский называется zonghe guoli, или "всоеобъемлющей национальной мощью". Zonghe guoli принимает во внимание военную, экономическую и технологическую мощь Китая по сравнению с Соединёнными Штатами и их союзниками, а также восприятие Пекином того, в какую сторону тяготеют третьи страны. На протяжении большей части последних пяти лет внутренний дискурс Коммунистической партии Китая (КПК) всё больше отражал веру в то, что этот баланс сил быстро изменится в пользу Китая, и что эта тенденция теперь необратима.

Однако, полагает Радд, не всё пошло по плану Пекина, особенно после избрания Байдена. Лидеры Китая были глубоко обеспокоены активизацией союзов США как в Тихом, так и в Атлантическом океанах. Они были застигнуты врасплох быстрым подъёмом "четвёрки", в которую входят Австралия, Индия, Япония и Соединённые Штаты, до высшего уровня при Байдене, что стало возможным благодаря эскалации пограничного спора между Китаем и Индией. Китай также обеспокоен появлением нового партнёрства в области безопасности между Австралией, Соединёнными Штатами и Соединённым Королевством, известное как AUKUS, а также решением Австралии о развитии флота атомных подводных лодок. Пекин с тревогой наблюдал за тем, как Япония приняла новую оборонную политику, увеличила расходы на оборону и начала осознавать необходимость оказания помощи в защите Тайваня. Китай выразил аналогичную обеспокоенность новой стратегической и внешнеполитической позицией Южной Кореи при президенте Юн Сок Еле, который в ходе предвыборной кампании пообещал присоединиться к "четвёрке" и превратить её в "пятерку". И, наконец, "безграничное" стратегическое партнёрство Китая с Россией после начала военной операции на Украине нанесло, по мнению Радда, серьёзный ущерб положению Пекина в Европе — до такой степени, что даже традиционные китайские "голуби" в различных европейских столицах теперь скептически относятся к долгосрочным стратегическим амбициям Пекина.

Китай также сталкивается с проблемами в тылу. Экономика замедлилась. Это, по мнению Радда, началось несколько лет назад, когда президент Си Цзиньпин начал сдвигать китайскую экономическую политику ещё дальше влево. Партия взяла на себя большую роль в частном секторе, государственные предприятия получили новую жизнь, а государство жёстко надавило на сектор технологий, финансов и недвижимости. Общим результатом стало снижение доверия к частному сектору, сокращение частных инвестиций, снижение производительности и замедление роста.

Эти глубинные экономические проблемы усугубились драконовскими карантинными мерами, введенными Пекином во многих крупных городах из-за COVID-19, что привело к подавлению потребительского спроса, нарушению как внутренних, так и глобальных цепочек поставок и ещё больше подорвало китайский сектор недвижимости, на который приходится около 30% китайского ВВП.

Замедление мировой экономики, страдающей от растущей инфляции, также повлияло на экономику Китая, поскольку экспорт КНР является основной движущей силой роста.

Окончание статьи
Владимира ОВЧИНСКОГО
и Юрия ЖДАНОВА — на стр. 4

